

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Андрей ПРОКОФЬЕВ

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: avprok2006@mail.ru

УТИЛИТАРИЗМ

В статье рассматриваются история и теоретическое содержание утилитаризма. Утилитаризм представляет собой нормативную программу, которая выдвигает в качестве критерия моральной правильности поступков или оправданности частных правил количество произведённой ими суммированной полезности. Под полезностью могут пониматься счастье, удовольствие, благосостояние, удовлетворение желаний, удовлетворение предпочтений или реализация интересов индивидов. В ходе суммирования полезности каждая её порция имеет равную значимость, вне зависимости от того, какой индивид её получает. Резюмирует нормативную программу утилитаризма принцип наибольшего счастья наибольшего количества индивидов (принцип пользы, или полезности). Отдельные элементы этой программы присутствовали в этической мысли, начиная с античного периода. Первые формулировки принципа пользы появились в Новоевропейской философии рубежа XVII–XVIII вв. Этические концепции, в которых он является стержневым, возникли в XVIII в. внутри британской теологической мысли – так называемый «теологический утилитаризм». Первый представитель классического утилитаризма Иеремия (Джереми) Бентам в своей этико-правовой доктрине соединил гедонистическую моральную психологию и расчёты коллективного счастья. Джон Стюарт Милль попытался трансформировать утилитаризм Бентама в сторону меньшей механистичности моральных расчётов, более богатого понимания ценностей, наполняющих смыслом человеческую жизнь, и признания

важности индивидуальных прав и свобод. Генри Сиджвик поместил утилитаристскую программу в контекст широкого исследования морали и практической рациональности. В течение двух первых третей XX в. происходило превращение утилитаризма в доминирующую модель нормативной этики внутри англосаксонской философской традиции. Однако с 1970-х гг. он утрачивает это положение под ударами критики со стороны деонтологической этики и этики добродетели. Современный утилитаризм глубоко дифференцирован в связи с разным пониманием его сторонниками а) предмета проверки с помощью принципа полезности, б) самой полезности, в) нормативного содержания принципа полезности, г) способов учёта последствий в процессе принятия моральных решений.

Ключевые слова: мораль, этика, утилитаризм, польза (полезность), суммирование полезности, принцип наибольшего счастья, протоутилитаризм, классический утилитаризм, современный утилитаризм, критика утилитаризма

Определение утилитаризма

Под утилитаризмом (от лат. *Utilitas* – ‘польза’) принято подразумевать наиболее влиятельную и оформившуюся раньше других версию консеквенциализма – нормативной этики, в которой моральная правильность действия определяется характером его последствий. Утилитаризм противостоит неконсеквенциалистским нормативным программам (деонтологической этике и этике добродетели), а также другим версиям консеквенциализма, которые принимают за основу моральных оценок не только пользу, или полезность, но и другие блага, такие как моральное или эстетическое совершенство личности, объективная полнота (качество) человеческой жизни, уровень соблюдения прав в обществе и т. д.

Общая структура утилитаризма как нормативной программы определяется следующими взаимосвязанными утверждениями. Во-первых, существует единственное благо, имеющее значение с точки зрения морали. Это польза, или полезность, которая может отождествляться со счастьем, удовольствием, благосостоянием, удовлетворением желаний, удовлетворением предпочтений или реализацией интересов индивидов. Во-вторых, это благо измеряемо и подлежит суммированию (агрегации). Суммирование полезности может проводиться на уровне отдельного индивида или на уровне групп разного масштаба, в том числе всего человечества или всей совокупности чувствующих (шире – живых) существ. Соответственно, на основе анализа приращений полезности и её потерь может быть зафиксирован некий итоговый индекс, относящийся к индивиду или к совокупности индивидов на определённый момент времени. В-третьих, суммирование полезности в отношении к группам людей предполагает, что уменьшение полезности, затрагивающее одного человека, может быть скомпенсировано увеличением полезности, затрагивающим другого (это же правило действует в отношении других живых существ). В-четвёртых, применительно к людям каждая порция полезности имеет равную значимость, вне зависи-

мости от того, какой человек её получает. Соблюдение подобного равенства является императивным при определении суммированной полезности. В-пятых, приращение суммированной полезности делает мир лучше. В-шестых, выбирая между доступными к совершению альтернативными действиями или претендующими на признание системами норм, моральный деятель должен исходить из того, какие из них обеспечивают наибольшее приращение суммированной полезности. Резюме нормативной программы утилитаризма считается принцип, требующий содействовать наибольшему счастью (удовольствию, благосостоянию, удовлетворению предпочтений, реализации интересов) наибольшего количества людей.

Когда идёт речь об утилитаристской этике, часто имеется в виду не только утилитаристская нормативная программа, но и этические концепции тех мыслителей, которые придерживались и придерживаются этой программы, в целом. Философы-утилитаристы предложили собственные решения целого ряда фундаментальных метаэтических проблем, среди которых природа морали, источник обязательности моральных требований, специфика моральной мотивации. Однако в этом отношении их воззрения неоднородны. В порядке обобщения можно выявить лишь более или менее устойчивые тенденции: значительная часть сторонников утилитаристской программы тяготеет к одним и тем же способам решения перечисленных проблем. Но не более того. Поэтому утилитаризм было бы правильно считать феноменом именно нормативной этики.

Предыстория утилитаризма

Отдельные элементы утилитаристской нормативной программы появились в этической мысли задолго до расцвета и даже зарождения утилитаризма. И лишь в эпоху Нового времени мыслители, которых принято называть протоутилитаристами и утилитаристами, соединили их между собой. Первой составляющей этого синтеза было отождествление блага с удовольствием и счастьем. Оно являлось центральным отправным тезисом античной этики. В античных этических теориях можно обнаружить идею тождества блага и позитивных переживаний (платоновский Сократ и киренаики), идею тождества блага и отсутствия негативных переживаний (эпикурейцы), а также идею тождества блага со счастьем, которое понято как успешная реализация комплексного предназначения человека (аристотелианская традиция). В последнем случае имеет место сложная и нюансированная эвдемонистическая этика, которая выделяет разные составляющие счастья, обладающие разной весомостью для полноценной человеческой жизни. Утилитаризм всегда тяготел к первым двум (гедонистическим) интерпретациям блага (и Бентам, и Милль прямо называли Эпикура своим предшественником [2, с. 33; 6, с. 41]), однако и третья (эвдемонистическая) интерпретация также оказала существенное влияние на некоторые версии утилитаризма (см.: [48, р. 65–66]). Вместе с тем те античные этические

теории, в которых счастье полностью отождествлялось с добродетелью, структурно несовместимы с утилитаризмом и в силу этого не повлияли на развитие утилитаристской этики. При установлении преемственности между античными концепциями блага и утилитаризмом следует иметь в виду, что, в отличие от античной философии, отождествление блага с удовольствием и счастьем определяет в утилитаризме не столько выбор моральным деятелем наилучшего образа жизни, сколько способы конкретизации морального требования способствовать благу другого.

Вторым элементом утилитаристского синтеза является суммирование счастья, удовольствия, благополучия многих людей, выступающее в качестве критерия правильности действий или оправданности норм. Оно было предвосхищено в тех концепциях справедливости, которые укореняют её в пользе. Этот подход присутствовал у некоторых античных софистов, а также в эпикурействе и был афористически выражен в стихотворной строке Горация «мать справедливости – польза». В предшествующей появлению утилитаризма моральной и политической философии суммирование пользы применялось в нормативной аргументации на основе концепта «общее (общественное) благо» (правда, лишь при таком его понимании, в рамках которого отсутствуют или уходят на задний план три идеи: идея множественности благ, наполняющих смыслом жизнь человека, идея возможности приобщения к благам через другого члена сообщества и идея сообщества как самостоятельного субъекта, чьё благо не сводится к благу его членов). Подобное понимание общего (общественного) блага было особенно востребовано, когда в предмет философского анализа превращались политические решения, принимаемые в ситуациях крайней необходимости. Аргумент от суммированного благополучия в этих случаях служил для оправдания тех действий политика, которые позволяют избежать масштабных бедствий, но нарушают нормы общепринятой морали. Вместе с тем он мог использоваться и при обсуждении должного поведения в экстраординарных ситуациях, не связанных с принятием политических решений. Важный прецедент и предмет позднейших комментариев – утверждение Цицерона о том, что средства для жизни в случае их острой нехватки следует передавать тем, кто мог бы «принести большую пользу государству и человеческому обществу» (в иных версиях аргумента используются понятия «всеобщие интересы» и «польза людей») [11, с. 131].

В исследовательской литературе довольно часто используется понятие «протоутилитаристский». Оно имеет два основных значения. Протоутилитаристскими называют фрагменты этических сочинений, в которых можно обнаружить соединение основных положений утилитаристской этики, но в контексте общей концепции какого-то мыслителя оно носит фрагментарный или маргинальный характер, применяется им для решения отдельных теоретических задач и т. д. Протоутилитаристскими называют также сами этические концепции, в которых моральный долг систематически отождествляется с обязанностью содействовать всеобщему суммированному счастью или благополучию. Применение приставки «прото-» в этом случае

связано с тем, что такие концепции возникли раньше классического утилитаризма и по каким-то существенным вопросам расходились с этикой Бентама и Милля (например, по таким, как роль Бога-законодателя по отношению к принципу пользы, соотношение утилитаристской нормативной программы и существующей системы моральных убеждений, необходимость специальных методов выявления суммированного благополучия людей и т. д.).

Отдельные формулировки, более или менее точно воспроизводящие нормативную логику утилитаризма, появляются в трудах ряда мыслителей с конца XVII в. У Ричарда Камберленда общее (общественное) благо понималось как сумма вещей, которая способствует счастью всех разумных существ [30, р. 513–514]. Готфрид Вильгельм Лейбниц писал о том, что разум повелевает предоставлять наибольшее количество блага наибольшему количеству людей и по мере сил распространять счастье (см.: [55, р. 314]). Энтони Эшли Купер Шефтсбери отождествлял добродетель с соответствием характера человека «общему благу», «благу человечества», «общественному интересу» [59, р. 15, 18]. Фрэнсис Хатчесон рассматривал в качестве самого лучшего действия то, которое «обеспечивает самое большое счастье для наибольшего числа людей» [10, с. 174]. Давид (Дэвид) Юм именовал полезность основанием «главной части морали, которая имеет отношение к человечеству и к нашим ближним» [13, с. 233]. Чезаре Беккариа видел должную цель «всех людей», реализуемую с помощью законов, в том, чтобы достичь «наивысшего счастья для максимально большего числа людей» [1, с. 64].

Центральным выражением «протоутилитаризма» во втором смысле этого слова были концепции нескольких британских религиозных мыслителей XVIII в. Их называют также «теологическими утилитаристами». К числу теологических утилитаристов относят Джорджа Беркли [3], Джона Гэя [33], Джона Брауна [27], Абрахама Такера [68], Уильяма Пэйли [49], Джозефа Пристли [8]. Несмотря на то, что эти мыслители считаются предшественниками классической утилитаристской традиции, начинающейся с Бентама, их влияние на британскую этику конца XVIII – начала XIX вв. было заметно большим, чем влияние самого Бентама.

Общая модель теологического утилитаризма присутствует в трактате Беркли «О пассивном повиновении». Беркли считал целью своего рассуждения о «природе и принудительной силе моральных обязанностей» демонстрацию неизбежности «воспрещений греха», или «заповедей естественного закона», недопустимости их нарушения даже ради величайшего блага или предотвращения зла для множества людей. Однако этот деонтологический нормативный вывод был обоснован Беркли с опорой на утилитаристское суммирование благополучия. Целью Создателя, по Беркли, является «благополучие всех людей». Такова же цель всех «моральных обязательств» человека. Но она может быть достигнута только посредством строго исполнения законов, которые «по самой своей природе содействуют общему благу человечества» [3, с. 258–260]. Тем самым был

предвосхищён утилитаризм правил (подробнее об утилитаризме действий и утилитаризме правил см. в разделе «Утилитаристская этика в XX – начале XXI вв.», пункт «Теоретические проблемы современного утилитаризма»). Кульминационной точкой теологического утилитаризма являлась моральная теология Пэйли. Он отождествил правильность и добродетельность действия с его тенденцией способствовать счастью, отчётливо выразил идею суммирования благополучия и подразумевал наличие вспомогательных правил, по которым оно производится (к примеру, по Пэйли, десять человек, имеющих в своём распоряжении всего лишь средства существования, производят больше счастья, чем пять живущих в роскоши) [49, р. 198]. Основная теоретическая задача, поставленная Пэйли, состояла в создании утилитаристского обоснования многочисленных обязанностей общепринятой морали. Гэй, будучи промежуточной фигурой в развитии теологического утилитаризма от Беркли к Пэйли, интересен тем, что ввёл в свою концепцию элементы утилитаризма действий, что сложно совмещается с христианским теологическим контекстом, в котором существенную роль играют абсолютные заповеди, содержащиеся в Священном Писании [33].

Протоутилитаристской во втором смысле слова можно считать и этику Гельвеция. При этом она имеет больше характеристик, роднящих её с классическим утилитаризмом и отличающих от теологического утилитаризма XVIII в. Многие теоретические положения, свойственные Бентаму, появляются именно у Гельвеция. Кроме самой по себе идеи отождествления добра и содействия общественному благу («общая польза является мерилем доброты человеческих поступков» [4, с. 123]), их роднит сугубо гедонистическая моральная психология, её использование для решения ценностно-нормативных вопросов, а также особое внимание к роли законодателя в обеспечении общественного блага. Гельвеций разорвал связь утилитаристской этики с идеей Бога. Это усложнило для него решение проблемы источников императивной силы морали. Пытаясь справиться с этими трудностями, Гельвеций заменил свойственную британским протоутилитаристам апелляцию к божественной санкции нравственных норм апелляцией к правильной организации процесса воспитания и правильно-му устройству правовой системы, которые позволяют органично соединить индивидуальный интерес и интересы общества. Эта мысль будет центральной в этике Милля. Также именно Гельвеций придал утилитаристскому суммированию счастья реформаторское или даже революционное значение. В отличие от Юма или теологических утилитаристов, рассуждение об общественной пользе превратилось у него в инструмент оценки и критики общественных институтов (ближайшее следствие – возникновение реформаторского проекта Беккариа в области карательного правосудия). Именно это соотношение нормативной этики и практики характерно для позднейших версий классического и современного утилитаризма (сравнение этики Гельвеция и классического утилитаризма см.: [56, р. 82–96]). Вместе с тем у Гельвеция отсутствовал интерес к созданию специального теоретического аппарата для выявления суммированного счастья.

Классический утилитаризм конца XVIII–XIX вв.

а) Бентам

Основатель классического утилитаризма Бентам связывал одобрение и неодобрение действия с его тенденцией увеличивать или уменьшать счастье тех, чей интерес затронут последствиями этого действия («той стороны, об интересе которой идёт дело»). Таково общее нормативное содержание бентамовского «принципа полезности» или «принципа наибольшего счастья» [2, с. 10]. Его конкретизация и практический смысл зависят от решения четырёх вопросов: 1) кто должен рассматриваться как сторона, счастье которой является предметом внимания морального деятеля, 2) что представляет собой счастье индивидов и коллективов, 3) как измерять счастье, чтобы отличить большее счастье от меньшего, и 4) что проверять на правильность с помощью принципа полезности: отдельные поступки, правила поведения или что-то иное? Каждый из них был предметом теоретической рефлексии Бентама.

Вопрос о затронутой действием «стороне» может иметь различные ответы. Под ней может пониматься человечество в целом, в конкретных ситуациях представленное кругом лиц, интересы которых затрагивает планируемое действие. Некоторые декларации принципа пользы, предложенные Бентамом, соответствуют именно этой, универсалистской трактовке утилитаристской программы [2, с. 29]. Бентамовская критика жестокого обращения с животными свидетельствует о том, что он мог придавать принципу пользы ещё более широкое значение: предметом озабоченности морального деятеля является не просто положение всех людей, но положение любых существ, способных к переживанию удовольствия и страдания [2, с. 372]. Однако в трудах Бентама встречаются и такие формулировки принципа, в которых под обсуждаемой «стороной» подразумевается лишь нация: «всеобщее счастье» и «всеобщий интерес» отождествляются со счастьем и интересом «всех членов государства» [18, р. 269]. Некоторые элементы бентамовской критики идеи прав человека (естественных прав) также связаны с узким пониманием круга моральных реципиентов (пример – тезис о невозможности существования каких бы то ни было прав до и вне политического сообщества и управляющего им правительства) ([16, р. 500], см. подробнее: [58, р. 59–84]). Важный дополнительный аспект обсуждения вопроса о том, чьё счастье обязан увеличивать утилитаристский деятель, задаёт альтернатива между *всеми* людьми, затронутыми его действием, и их *большинством*. Бентам обсуждает эту альтернативу и склоняется ко второму варианту, поскольку первый нереалистичен [18, р. 269].

Отвечая на вопрос о содержании счастья, Бентам отождествляет его с получением удовольствий, причём это могут быть удовольствия любого типа, без каких бы то ни было качественных разграничений [20, р. 253–254]. Психологию людей, подлежащих «осчастливлению», он считает

сугубо гедонистической: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия» [2, с. 9]. Это философско-психологическое представление порождает серьёзное противоречие, поскольку законодатель или просто моральный деятель используют в качестве критерия принятия решений не прогноз в отношении своих страданий и удовольствий, а утилитаристский принцип наибольшего счастья.

Вопрос об измерении счастья Бентам разрешает с помощью нескольких теоретических приёмов. Первый – выделение параметров оценки индивидуальных удовольствий, таких как интенсивность, продолжительность, несомненность, близость, плодовитость и чистота [2, с. 41–42]. Второй – выделение первичных удовольствий, к которым применяются эти критерии и на которые могут быть разложены более сложные эмоциональные состояния [2, с. 46–57]. Третий – разработка правил суммирования удовольствий и страданий разных людей (в числе которых тезис о равной значимости счастья любого человека (любого члена сообщества) ([17, р. 540], разные понимания нормативного смысла этого тезиса см.: [39, р. 99; 52; 56, р. 220–232]). Отношение Бентама к «расчёту счастья» (*felicitous calculus*), складывающемуся на основе этих приёмов, было двойственным. С одной стороны, он понимал всю условность сложения страданий и удовольствий, а с другой, считал его основой убедительности любой «политической аргументации» (цит. по: [35, р. 495]).

Хотя принцип полезности был сформулирован Бентамом как принцип одобрения или неодобрения конкретных действий, основным предметом его исследования были структура институтов и содержание законов. Подчинение законам, по Бентаму, является главной моральной и правовой обязанностью индивидов. Внутри ограничений, наложенных законами, индивиды могут свободно реализовывать стремление к собственной выгоде. А это значит, что между добросовестным подчинением законам и свободным от морального регулирования поведением не остаётся того промежутка, в котором принцип пользы мог бы непосредственно, а не через вторичные предписания и запреты определять поступки морального деятеля. О том, что принцип пользы в процессе принятия решений уступает место более конкретным требованиям, свидетельствует и выделение Бентамом иерархизированных частных целей законодательства, достижение которых ведёт к увеличению «суммы общественного счастья». Таковы безопасность, средства для жизни, равенство и изобилие ([18, р. 269–272], примеры анализа позиции Бентама в контексте утилитаризма действий и утилитаризма правил см.: [51, р. 467–462; 43, р. 312–316]).

б) Милль

Для Милля, как и для Бентама, консеквенциалистская нормативная установка является неизбежным выражением моральной рациональности: «Моральность действий зависит от последствий, которые они порождают –

таково убеждение разумных людей, принадлежащих ко всем школам» [46, р. 111]. Однако то, что это убеждение находит адекватное выражение именно в утилитаризме, требует, по Миллю, специального обоснования. В этой связи в трактате «Утилитаризм» он разоблачает искажённое понимание утилитаристской этики (прежде всего её отождествление с неограниченным эгоизмом и приземлённым, примитивным гедонизмом) [6, с. 341–108], а также выстраивает прямое доказательство правоты утилитаризма, утверждающее, что благом группы людей может быть лишь их суммированное счастье [6, с. 137–158]. Теоретическая защита утилитаризма заставляет Милля уточнять и корректировать бентамовскую нормативную теорию.

Прежде всего, Милль отчётливо и однозначно провозгласил, что утилитаристская моральная доктрина выдвигает в качестве цели, к которой должен стремиться нравственно совершенствующийся человек, наибольшее счастье всего человечества и даже всей совокупности чувствующих существ [6, с. 77]. Также, в противоположность Бентаму, который полагал, что удовольствие от примитивной игры в кнопки не только равно удовольствию от поэзии и музыки, но даже превосходит его в силу своей «общедоступности» и «невинности» [20, р. 253–254], Милль считал необходимым разграничить простое «довольство» и «счастье», невозможное без получения «более высоких» (умственных, нравственных, эстетических) удовольствий ([6, с. 53–59], см. подробнее: [54]). Таким образом, Милль дополнил количественные критерии оценки удовольствий качественными. Это обстоятельство позволяет считать этику Милля наследницей не только ориентированного на потребности законодательной практики прямолинейного утилитаризма Бентама, но и гораздо более нюансированной, ориентированной на потребности самоопределения индивидов эвдемонистической традиции, восходящей к представлениям о счастье и добродетели Аристотеля [48].

В философском наследии Милля дополнительно обогащается обсуждение вопроса о том, что именно должно проверяться с помощью критерия наибольшего счастья. Исследователи обнаруживают в его рассуждениях элементы утилитаризма действий и утилитаризма правил. Некоторые из них считают, что он более близок к первой концепции [28, р. 105–125; 25, р. 84–85, 110–112], другие – что ко второй. При этом у Милля присутствуют два разных представления о правилах, проходящих утилитаристский тест. В некоторых случаях Милль обсуждает те правила, которые возникают в результате теоретической конкретизации принципа пользы, в других – те, которые сформированы стихийным социально-историческим процессом (они изначально коррелируют с принципом пользы, но нуждаются в критике и уточнении на его основе). В этой связи историки философии отождествляют утилитаризм Милля с утилитаризмом идеальных [22, р. 128–130; 33, р. 144–150] или реальных [44, р. 31] кодексов. Но в любом случае, в отличие от современных сторонников утилитаризма идеальных кодексов, Милль не считал вторичные моральные правила

не допускающими никаких исключений [6, с. 238] (подробнее об утилитаризме правил и утилитаризме действий, а также об их разновидностях см. в разделе «Утилитаристская этика в XX – начале XXI вв.», пункт «Теоретические проблемы современного утилитаризма»). В трактате «Система логики» Милль дополнительно расширил число объектов утилитаристской проверки: с помощью принципа пользы в нём проверяются не только действия или правила, но и чувства (утилитарист может одобрить культивирование чувств, которые в некоторых конкретных случаях способствуют пренебрежению счастьем) [6, с. 704].

Наконец, в отличие от Бентама, Милль уделяет гораздо больше внимания анализу понятия «справедливость», хотя в определённом смысле этот анализ можно считать продолжением бентамовского исследования конкретных целей законодательства и «мер безопасности против дурного управления» [19, р. 555–600]. Разочаровавшись в поиске единого смысла слова «справедливость» на основе преобладающего словоупотребления, он отождествляет этот нормативный концепт с теми нравственными обязанностями, выполнение которых является соблюдением чьих-либо прав и допускает применение принуждения. За наделением людей правами, с точки зрения Милля, стоит особый вид пользы, а именно – обеспечение безопасности. Безопасность – это единственный по-настоящему общезначимый интерес всех людей. В отличие от иных благ, она нужна каждому вне зависимости от характера индивидуальных предпочтений, удовлетворение которых формирует его счастье [6, с. 203–205]. Именно на основе этого утверждения, по Миллю, должны примиряться между собой частные максимы и принципы справедливости, а также оцениваться односторонние концепции, которые неправомерно принимают такие максимы и принципы за конечные отправные посылки (см. подробнее: [24]).

в) Сиджвик

Сиджвик рассматривал утилитаризм в качестве лишь одной из нормативных программ, отвечающих критерию рациональной самоочевидности. Под самоочевидными нормативными принципами («положениями») Сиджвик понимал те, которые являются 1) ясными и точными, 2) проверенными в ходе тщательного размышления, 3) совместимыми с иными самоочевидными положениями и, наконец, 4) способными породить согласие компетентных и беспристрастных индивидов [60, р. 338–342]. Среди таких рациональных принципов, или аксиом, у Сиджвика присутствуют формальная беспристрастность, или справедливость, рациональное благоразумие и рациональная благожелательность [60, р. 386–387]. Под рациональной благожелательностью Сиджвик подразумевал одинаковую заботу о своём благе и благе любого другого человека. Именно её он рассматривал в качестве основы «утилитаристской системы» [60, р. 387]. Вместе с тем тесно связанная с принципом благоразумия позиция рационального

эгоизма, по Сиджвику, также отвечает критерию самоочевидности (об этом «дуализме практического разума» см.: [29, p. 227–234]).

Под утилитаризмом, или «универсалистским гедонизмом», Сиджвик понимал этическую теорию, которая отождествляет объективно правильное поведение с действиями, которые производят наибольшее счастье наибольшего количества людей из числа тех, чьи интересы затронуты этими действиями. В уточнённом, развёрнутом описании утилитаристской нормативной программы Сиджвик заменяет счастье как таковое на превышение счастья над несчастьем. Рост этого превышения и служит, по его мнению, целью правильного действия [60, p. 413; 61, p. 255–256]. Примечательной особенностью утилитаризма Сиджвика являлся тезис, что утилитаристский критерий правильности превращает в обоснованные некоторые нарушения общепринятых моральных требований («морали здравого смысла»). При этом убеждённый утилитарист должен способствовать сохранению таких нарушений в тайне от большинства людей. Скрытой от них должна быть и сама нормативная логика, которая обосновывает нарушения. Сиджвик называл в этой связи утилитаризм «эзотерической моралью». Причина его «эзотеричности» состоит в том, что большинство людей в его нынешнем состоянии не обладает достаточными интеллектуальными и психологическими способностями, чтобы следовать утилитаристскому критерию правильности. Более того, прямое провозглашение этого критерия в обществе лишь подорвало бы моральные убеждения среднего человека, а вместе с ними – общественный порядок [60, p. 489–490]. Таким образом, подобно Миллю, Сиджвик акцентирует непреходящее значение для морального сознания частных правил, но не абсолютизирует ни один из наборов таких правил. Их моральную обоснованность определяет принцип пользы в меняющихся обстоятельствах (см.: [31, p. 289–293; 57, p. 340–349]).

Среди важнейших теоретических заслуг Сиджвика – одна из самых ранних постановок проблемы межличностных сравнений полезности. Он указывал на зависимость успеха утилитаристского проекта в этике от того, будет ли успешным поиск беспристрастного стандарта, позволяющего сравнивать разные удовольствия разных людей ([60, p. 413, 460; 61, p. 256–257], анализ проблемы в этике Сиджвика см.: [47, p. 122, 206–222], подробнее о проблеме межличностных сравнений см. в разделе «Утилитаристская этика в XX – начале XXI вв.», пункт «Теоретические проблемы современного утилитаризма»). Другая предвосхищенная Сиджвиком проблема утилитаристской этики – проблема зависимости суммированного счастья от количества способных к получению удовольствия людей, которое законодатель или общественный администратор может изменять с помощью принятия тех или иных мер. В современной этике тезис о том, что с точки зрения морали допустимо или обязательно увеличивать совокупную полезность за счёт увеличения численности людей при уменьшении их удовлетворённости жизнью, получил название «отвратительного вывода». Сиджвик зафиксировал возможность такой критики принципа пользы и, полемизируя с мальтузианцами, попытался показать её несостоятельность

([60, р. 415–416; 61, р. 257–258], анализ проблемы в этике Сиджвика см.: [29, р. 203–205], подробнее об «отвратительном выводе» см. в разделе «Утилитаристская этика в XX – начале XXI вв.», пункт «Теоретические проблемы современного утилитаризма»)).

Нормативная программа утилитаризма стала в первой половине XIX в. основой деятельности интеллектуального и политического движения британских «философских радикалов», выступавшего за демократизацию английской политической системы. Кроме трёх основных фигур утилитаристской этики конца XVIII–XIX вв. к философам-утилитаристам относят Джеймса Милля [45] и Уильяма Годвина [34]. Элементы нормативной логики утилитаризма содержатся в философии права раннего Джона Остина и экономических теориях Уильяма-Стэнли Джевонса, Альфреда Маршалла и Фрэнсиса-Исидора Эджуорта. «Идеальным утилитаризмом» принято называть нормативные теории Джорджа Эдварда Мура и Гастингса Рэшдолла (термин начал использовать Рэшдолл). Идеальный утилитаризм отличается от классического утилитаризма тем, что правильным действием, с точки зрения его сторонников, является то, которое увеличивает количество не только счастья или удовольствия, но и иных независимых друг от друга составляющих блага ([7, р. 187–188, 104–108; 53, р. 184], см. подробнее: [64]).

Утилитаристская этика в XX в. – начале XXI в.

а) контуры развития современного утилитаризма

В течение первой половины XX в. утилитаризм обретал всё более и более значимые позиции в англосаксонской этической традиции. 1950–1960-е гг. были периодом его практически монопольного господства. Среди причин такого положения – надежда теоретиков на то, что утилитаризм способен обеспечить научную строгость и точность выявления морально обязательных поступков частных индивидов и морально оправданных политических решений. В отличие от разрозненных, но при этом в равной мере претендующих на очевидность принципов и обязанностей, выделяемых деонтологической этикой, принцип наибольшего счастья, или максимизации полезности, больше подходит на роль твёрдого и единообразного основания всей системы нравственного долга. Дополнительным фактором утверждения утилитаризма в качестве господствующей модели нормативной этики стало развитие экономики благосостояния, использующей «полезность» в качестве ключевого технического термина. Соединение философского утилитаризма, экономической теории и экономорфных интерпретаций политики создавало видимость, что существует реальная возможность сформировать универсальную практикоориентированную социальную доктрину. При этом максимизация полезности выступала для теоретиков и как критерий принятия централизованных политических

решений, и как санкция беспрепятственного функционирования децентрализованных социальных институтов (прежде всего рынка).

Однако монопольное положение утилитаризма оказалось подорвано уже в начале 1970-х гг. Это стало результатом двойного процесса. Во-первых, в ходе дискуссий самих утилитаристов между собой выявились серьёзные внутренние проблемы этой модели нормативной этики, породившие целый ряд противостоящих друг другу утилитаристских концепций. Во-вторых, активизировалась критика утилитаризма со стороны представителей деонтологической этики, а затем и этики добродетелей. В ходе этой полемики утилитаристская этика столкнулась с обвинениями в том, что она а) санкционирует нарушения любой нравственной нормы при условии значительного благотворного эффекта таких нарушений, б) неспособна защитить интересы и потребности отдельной личности при их столкновении с коллективным (суммированным) интересом, в) не может отразить значимость индивидуализированных связей и привязанностей для моральной жизни, г) исходит из того, что моральная оправданность действия определяется его соответствием принципу, а не установками и свойствами личности деятеля, д) создаёт зависимость моральной правильности поступков (а значит, и моральной правоты деятеля) от заведомо ненадёжных прогнозов в отношении будущих событий. Вызовы утилитаризму, брошенные Гертруд Элизабет Маргарет Энском, Джоном Ролзом, Бернардом Уильямсом, Майклом Стокером, Томасом Скэнлоном, восстановили многообразие в англоязычной нормативной этике и задали основные направления дальнейшего развития утилитаристской этической теории в конце XX – начале XXI вв.

б) теоретические проблемы современного утилитаризма

Существует несколько ключевых проблем, анализ которых теоретиками дифференцирует и трансформирует современную утилитаристскую этику. Они таковы.

Предмет для проверки с помощью принципа пользы. В классической утилитаристской мысли обсуждалось несколько предметов для проверки с помощью утилитаристского теста, но их выбор не превращался в тему отдельной теоретической дискуссии. Такая дискуссия завязалась лишь в 1950-х гг. Она разделила утилитаристов позднейшего периода на два лагеря: утилитаристов действия (центральные фигуры – Джон Джеймисон Карсуэл Сمارт [66] и Питер Сингер [62]) и утилитаристов правил (центральные фигуры – Ричард Букер Брандт [22, р. 111–136], Джон Чарльз Харсаньи [38], Брэд Хукер [41]).

С точки зрения утилитаризма правил соотносить между собой по их благотворному эффекту необходимо именно правила, а не доступные к совершению поступки, поскольку а) полноценный анализ всех последствий отдельного поступка в конкретных ситуациях невозможен, б) попытка

сделать такой анализ основанием для принятия решений подрывает упорядоченное и доверительное сосуществование людей (общественная жизнь становится в этом случае предельно конфликтной и непредсказуемой). Если же моральная обоснованность действий определяется их соответствием правилу, а обоснованность правила – его содействием всеобщему благосостоянию, то процедура принятия решений оказывается реалистичной, а бесконфликтная координация поведения в обществе – возможной. Тогда основная задача нормативной этики состоит в том, чтобы создать не перегруженный нормами и внутренне согласованный моральный кодекс с помощью мысленного конструирования (утилитаризм идеальных кодексов) или с помощью коррекции уже существующих в культуре нормативных систем (утилитаризм реальных кодексов). В возникших позднее альтернативах утилитаризму действия фигурирует уже не кодекс, а набор добродетелей или должных мотивов [14].

Для сторонников утилитаризма действий такая теоретическая позиция является противоречивой и нереалистичной, поскольку на основе кодекса (или набора добродетелей) будет приниматься множество решений, которые неоптимальны с точки зрения увеличения полезности, а в случае конфликта правил или должных мотивов решения всё равно придётся подвергать прямой утилитаристской проверке. Если утилитаризм правил попытается преодолеть эти трудности, то он будет неотличим от утилитаризма действий. Компромиссный (двухуровневый) вариант утилитаризма был предложен Ричардом Мервином Хэаром. Он разграничил «интуитивный» и «критический» уровни морального мышления. На первом используются частные моральные правила, апробированные опытом поколений и закреплённые на уровне привычек и автоматизмов. На втором, который включается в действие в нетипичных случаях или в случаях конфликта правил, приходится прямо оценивать полезность, сопровождающую альтернативные линии поведения в конкретной ситуации ([36, р. 1–86], развитие модели см.: [69], схожая концепция предложена поздним Сингером [63, р. 78–81]).

Смысл понятия «польза» («полезность»). В классическом утилитаризме польза отождествлялась с удовольствием и счастьем, между которыми не проводилось отчётливых разграничений. В современном утилитаризме существует многообразие позиций по данному вопросу. В течение XX в. продолжает существовать гедонистический утилитаризм, наследующий классикам утилитаристской традиции (например, этой позиции придерживался поздний Брандт ([22, р. 158–178], см. также: [67, р. 63–95]). Однако, наряду с ним, присутствует отождествление полезности с удовлетворённостью желаний. Оно позволяет фиксировать ухудшение или улучшение положения человека не только на основе его переживаний, но и некоторых объективных результатов его деятельности или просто благоприятных составляющих ситуации, в которую он попадает. Это позволяет отсеивать удовольствия, которые не сопровождают, а замещают собой предметную практику (как в случае с мысленным экспериментом, в котором фигурирует

аппарат, позволяющий вызывать приятные ощущения с помощью электро-стимуляции мозга). Другая альтернатива гедонистического утилитаризма отождествляет полезность с удовлетворением предпочтений. Она опирается на то, что без информации о предпочтениях лица в отношении разных желаний, невозможно построить его индивидуальную «функцию полезности» [37, р. 115–126], и то, что только на основе ориентированного на планирование будущего понятия «предпочтение» можно адекватно оценить тяжесть такого злодеяния, как убийство (для утилитариста предпочтений, в отличие от гедонистического утилитариста, убийство не просто лишает человека будущих удовольствий, а уничтожает весь его жизненный проект) [63, р. 76–81]. Для разных пониманий полезности принципиальным является вопрос об ограничении круга учитываемых в утилитаристских расчётах удовольствий (желаний, предпочтений) за счёт исключения тех из них, которые связаны с иррациональными саморазрушительными импульсами. Яркий пример – концепция раннего Брандта, в которой значение имеют лишь те желания, которые проверены посредством «когнитивной психотерапии» – процесса, в ходе которого человеку неоднократно, в предельно ясном виде и в обстановке, способствующей спокойному обдумыванию, предъявляется вся информация, относящаяся к условиям и последствиям удовлетворения определённого желания [23, р. 110–129].

Суммирование полезности в межличностном контексте. Интенсивность удовольствия, счастья, удовлетворения желаний и предпочтений является субъективным фактором. Её трудно сравнивать применительно к людям, подвергающимся одинаковому воздействию, но ещё труднее – применительно к людям, подвергающимся разным воздействиям. И дело не просто в том, что чувствительность к источникам страдания и удовольствия отличается у разных индивидов, а в том, что отсутствуют объективные инструменты её измерения. В утилитаристской нормативной этике и родственной ей экономике благосостояния это затруднение принято называть «проблемой межличностных сравнений». Утилитаристы пытаются разрешить её, используя две теоретические стратегии. Первая связана с переходом от кардиналистской к ординалистской интерпретации полезности. Кардинализм исходит того, что оценка моральной оправданности решений может опираться на замеры интенсивности желаний или удовлетворённости индивидов, возникающей от их исполнения. Ординализм, напротив, отрицает возможность использовать объективные количественные показатели удовлетворённости и считает, что единственной основой для формирования функций полезности индивидов и групп является порядок предпочтений в отношении предлагаемых к выбору альтернатив (А лучше, чем В, В лучше, чем С, и т. д.). Тем самым ординализм избегает необходимости учитывать субъективную чувствительность людей к тем или иным воздействиям и опирается только на ту информацию, которую легко получить, опрашивая тех, кто затронут каким-то действием [12, с. 11–12; 15]. Вторая стратегия состоит в доказательстве небольшой значимости обсуждаемого затруднения. К примеру, Харсаньи считал, что проблема межлич-

ностных сравнений оказывается актуальна лишь в тех редких случаях, когда приходится оценивать экзотические формы культурного опыта или нетипичную индивидуальную чувствительность к удовольствиям и страданиям [9].

Расхождение утилитаризма с интуитивными моральными представлениями. Суммирование полезности, представляющее собой смысловой центр утилитаризма, не только технически затруднительно, но и вызывает серьёзные нарекания со стороны тех, кто придерживается общепринятых моральных убеждений. Это обстоятельство является одной из самых распространённых отправных точек для критики современного утилитаризма со стороны других концепций нормативной этики. Интуитивным моральным представлениям противоречат следующие выводы из отождествления правильного действия с действием, увеличивающим суммированную полезность. Во-первых, утверждение о том, что рост суммарной полезности вследствие мер по увеличению уровня благополучия индивидов и вследствие мер по увеличению их количества одинаково оправдан. Противоречие между этим утверждением и интуитивными моральными представлениями подчёркивает гипотетический случай двух стратегий развития определённого сообщества: первая предполагает сохранение материально обеспеченного, но небольшого населения, а вторая – резкий рост населения, которое будет существовать на грани нищеты. С точки зрения утилитаризма если вторая стратегия даёт больший прирост суммированной полезности, то именно она является морально оправданной. В исследовательской литературе это следствие утилитаризма получило название «отвратительного вывода» (экспликацию проблемы см.: [50]). Во-вторых, утверждение о том, что благополучие отдельного индивида или небольшой группы индивидов можно без ограничений приносить в жертву благополучию большинства. Его противоречие с интуитивными моральными представлениями иллюстрируется целым рядом гипотетических случаев: осуждение невинного человека ради предотвращения массовых беспорядков, убийство врачом одного пациента ради спасения многих с помощью пересадки его органов, консервация в обществе групп, обречённых на постоянную нищету, ради увеличения его экономической эффективности и т. д. Во всех этих случаях интуитивно очевидные суждения о недопустимости содействия интересам большинства ценой гибели или страдания меньшего количества людей могут быть легко обоснованы деонтологической этикой (этикой прав или абсолютных запретов), что, по предположению её сторонников, свидетельствует об ошибочности утилитаризма (обзор дискуссий по вопросу о моральной допустимости суммирования полезности см.: [40]).

Для смягчения конфликта с интуитивными моральными представлениями утилитаристами предложен ряд модификаций и субститутов принципа полезности. Одним из замещающих принципов является принцип «средней полезности», который требует исчислять удовлетворённость предпочтений на душу населения [65, р. 27–28; 38, р. 28]. Он позволяет показать

неправомерность «отвратительного вывода». Другим заместителем служит принцип Парето, в соответствии с которым действие является правильным, если в его результате хотя бы один человек увеличивает удовлетворённость своих предпочтений, а остальные её не уменьшают. Принцип Парето автоматически гарантирует внимание к благополучию каждого человека, чей интерес затронут определённым действием. Наконец, утилитаристы подчёркивают, что применение классического бентамовского принципа полезности невозможно без учёта эффекта «убывания предельной полезности». Он состоит в том, что получение неимуществами определённого количества ресурсов даёт в целом больший прирост полезности, чем получение того же количества ресурсов обеспеченными индивидами [36, р. 164–165; 21, р. 206–207]. Учёт убывания предельной полезности хотя и не устраняет, но существенно уменьшает антиэгалитарные следствия утилитаризма.

Учёт последствий действия в процессе принятия моральных решений. Утилитаризм, подобно другим консеквенциалистским нормативным программам, сталкивается с затруднениями, которые обусловлены слабостью способности человека предсказывать последствия своих действий и безграничностью временной перспективы таких последствий. Ответом на затруднения первого рода является формирование вероятностного утилитаризма (утилитаризма ожидаемой полезности). Он рассматривает в качестве правильного то действие, максимально благотворные последствия которого наиболее вероятны с точки зрения человека, имеющего среднестатистические способности к предсказанию [65, р. 37–42, 47; 36, р. 132–133; 42, р. 463–467]. Ответ на затруднения, связанные с безграничной временной перспективой последствий, возникает на основе тезиса о том, что в сегодняшних расчётах полезности получение благ в будущем и будущий вред должны приниматься с существенным уменьшающим коэффициентом (так называемое «дисконтирование будущего»). Это позволяет пренебрегать теми последствиями действия, которые относятся к отдалённому времени (обзор проблемы см.: [26, р. 44–67]).

Список литературы

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. 304 с.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
3. Беркли Дж. Пассивное повиновение // Беркли Дж. Алкифрон, или мелкий философ. Работы разных лет. СПб.: Алетейя, 2000. С. 255–280.
4. Гельвеций К.А. О человеке // Гельвеций К.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1974. С. 5–567.
5. Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
6. Милль Дж.С. Утилитаризм. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
7. Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М.: Политиздат, 1999. 352 с.

8. *Пристли Дж.* Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы // Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1968. С. 5–46.
9. *Харсаньи Дж.* Межличностные сравнения полезности // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА – М, 2004. С. 447–454.
10. *Хатчесон Ф.* Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // *Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А.* Эстетика. М.: Искусство, 1973. С. 41–262.
11. *Цицерон.* Об обязанностях // *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 58–158.
12. *Эрроу К.Дж.* Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Изд. дом НИИ ВШЭ, 2004. 201 с.
13. *Юм Д.* Исследование о принципах морали // *Юм Д.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 171–314.
14. *Adams R.M.* Motive Utilitarianism // *Journal of Philosophy.* 1976. Vol. LXX. No. 14. P. 467–481.
15. *Arrow K.J.* Some Ordinalist-Utilitarian Notes on Rawls's Theory of Justice // *Journal of Philosophy.* 1973. Vol. LXX. No. 9. P. 245–263.
16. *Bentham J.* Anarchical Fallacies // *The Works of Jeremy Bentham.* Vol. 2. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 489–535.
17. *Bentham J.* Codification Proposal // *The Works of Jeremy Bentham.* Vol. 4. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 535–594.
18. *Bentham J.* Leading Principles of a Constitutional Code, for Any State // *The Works of Jeremy Bentham.* Vol. 2. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 267–275.
19. *Bentham J.* Securities against Misrule // *The Works of Jeremy Bentham.* Vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 555–600.
20. *Bentham J.* The Rationale of Reward // *The Works of Jeremy Bentham.* Vol. 2. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 189–267.
21. *Brandt R.B.* Fact, Values, and Morality. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. 319 p.
22. *Brandt R.B.* Morality, Utilitarianism, and Rights. N.Y.: Cambridge University Press, 1992. 393 p.
23. *Brandt R.B.* Theory of the Good and the Right. Oxford: Clarendon Press, 1979. 362 p.
24. *Brink D.O.* Mill on Justice and Rights // *A Companion to Mill / Eds. C. Macleod and D.E. Miller.* Malden: Willey, 2017. P. 374–389.
25. *Brink D.O.* Mill's Progressive Principles. Oxford: Oxford University Press, 2013. 307 p.
26. *Broom J.* Ethics out of Economics. N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 267 p.
27. *Brown J.* On the Motives to Virtue, and the Necessity of Religious Principle // *Essays on the 'Characteristics' of the Earl of Shaftesbury.* L.: C. Davis, 1752. P. 109–241.
28. *Crisp R.* Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism. L.: Routledge, 1997. 232 p.
29. *Crisp R.* The Cosmos of Duty: Henry Sidgwick's Methods of Ethics. Oxford: Clarendon Press, 2015. 252 p.
30. *Cumberland R.* A Treatise of the Laws of Nature. Indianapolis: Liberty Fund, 2005. 1010 p.
31. *De Lazari-Radek K., Singer P.* The Point of View of the Universe: Sidgwick and Contemporary Ethics. Oxford: Oxford University Press, 2014. 403 p.
32. *Fuchs A.* Mill's Theory of Morally Correct Action // *The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism / Ed. H.R. West.* Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 139–158.
33. *Gay J.* Preliminary Dissertation Concerning the Fundamental Principle of Virtue or Morality // *King W.* An Essay on the Origin of Evil. L.: W. Thurlbourn, 1731. P. XI–XXXII.

34. *Godwin W.* An Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness. Vol. 2. L.: G.G.J. Robins and J.R. Robins, 1793. 378 p.
35. *Halevy E.* The Growth of Philosophic Radicalism. L.: Faber & Faber, 1952. 554 p.
36. *Hare R.M.* Moral Thinking: Its Levels, Method, and Point. N.Y.: Oxford University Press, 1981. 242 p.
37. *Harsanyi J.C.* Expectation Effects, Individual Utilities, and Rational Desires // Rationality, Rules, and Utility: New Essays on the Moral Philosophy of Richard B. Brandt / Ed. B. Hooker. Boulder: Westview, 1993. P. 115–126.
38. *Harsanyi J.* Rule Utilitarianism and Decision Theory // Erkenntnis. 1977. Vol. 11. P. 25–53.
39. *Hart H.L.A.* Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1983. 271 p.
40. *Hirose I.* Moral Aggregation. Oxford: Oxford University Press, 2015. 248 p.
41. *Hooker B.* Ideal Code, Real World. Oxford: Oxford University Press, 2000. 213 p.
42. *Jackson F.* Decision-theoretic Consequentialism and the Nearest and Dearest Objection // Ethics. 1991. Vol. 101. P. 461–482.
43. *Kelly P.* Bentham // Political Thinkers: From Socrates to the Present / Eds. D. Baucher and P. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 344–361.
44. *Martin R.* Mill's Rule Utilitarianism in Context // John Stuart Mill and the Art of Life / Eds. B. Eggleston, D.E. Miller and D. Weinstein. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 21–43.
45. *Mill J.* Political Writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 317 p.
46. *Mill J.S.* Bentham // *Mill J.S.* The Collected Works. Vol. 10. L.: Routledge and Kegan Paul, 1969. P. 75–116.
47. *Nakano-Okuno M.* Sidgwick and Contemporary Utilitarianism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 270 p.
48. *Nussbaum M.C.* Mill between Aristotle and Bentham // Daedalus. 2004. Vol. 133. No. 2. P. 60–68.
49. *Paley W.* The Principles of Moral and Political Philosophy: in 2 vol. Vol. 2. Boston: Whitaker, 1832.
50. *Parfit D.* Overpopulation and the Quality of Life // The Repugnant Conclusion: Essays on Population Ethics / Eds. J. Ryberg & T. Tännsjö. Dordrecht: Springer, 2005. P. 7–22.
51. *Postema G.J.* Bentham and the Common Law Tradition. Oxford: Oxford University Press, 2019. 605 p.
52. *Postema G.J.* Bentham's Equality-Sensitive Utilitarianism // Utilitas. 1998. Vol. 10. No. 2. P. 144–158.
53. *Rashdall H.* The Theory of Good and Evil: A Treatise on Moral Philosophy. Vol. 1. L.: Oxford University Press, 1907. 312 p.
54. *Riley J.* Interpreting Mill's Qualitative Hedonism // The Philosophical Quarterly. 2003. Vol. 53. P. 410–418.
55. *Riley P.* Leibniz' Universal Jurisprudence: Justice as the Charity of the Wise Cambridge: Harvard University Press, 1996. 338 p.
56. *Rosen F.* Classical Utilitarianism from Hume to Mill. L.: Routledge, 2003. 289 p.
57. *Schneewind J.B.* Sidgwick's Ethics and Victorian Moral Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1977. 465 p.
58. *Schofield P.* Utility and Democracy: The Political Thought of Jeremy Bentham. Oxford: Oxford University Press, 2019. 370 p.
59. *Shaftesbury C.* An Inquiry Concerning Virtue and Merit // *Shaftesbury C.* Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times. Indianapolis: Liberty Fund, 2001. P. 1–100.
60. *Sidgwick H.* The Methods of Ethics. London: Palgrave Macmillan, 1962. 528 p.

61. *Sidgwick H.* Utilitarianism // *Utilitas*. 2000. Vol. 12. No. 3. P. 253–260.
62. *Singer P.* Is Act-Utilitarianism Self-Defeating? // *The Philosophical Review*. 1972. Vol. 1. No. 1. P. 94–104.
63. *Singer P.* *Practical Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 356 p.
64. *Skelton A.* Ideal Utilitarianism: Rashdall and Moore // *Underivative Duty: British Moral Philosophers from Sidgwick to Ewing* / Ed. T. Hurka. Oxford: Clarendon Press, 2011. P. 45–65.
65. *Smart J.J.C.* An Outline of a System of Utilitarian Ethics // *Smart J.J.C. & Williams B.* *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 3–76.
66. *Smart J.J.C.* Extreme and Restricted Utilitarianism // *Theories of Ethics* / Ed. P. Foot. N.Y.: Oxford University Press, 1967. P. 171–183.
67. *Tannsjo T.* *Hedonistic Utilitarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. 224 p.
68. *Tucker A. (Search E.)* *The Light of Nature Pursued*. Vol. 1–5. L.: T. Payne, 1768.
69. *Varner G.E.* *Personhood, Ethics, and Animal Cognition: Situating Animals in Hare's Two-Level Utilitarianism*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Andrey PROKOFYEV

DSc in Philosophy,
Leading Research Fellow. RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: avprok2006@mail.ru

UTILITARIANISM

The article analyzes the history and theoretical content of utilitarianism. Utilitarianism is a normative program that uses as a criterion of moral rightness the amount of aggregate utility produced by the particular action or general rule. Utility can be identified with happiness, pleasure, welfare, desire-satisfaction, preference-satisfaction of individuals or realization of their interests. The aggregation presupposes an equal value of the portion of utility gained by any individual. The influential summary of the utilitarian normative program is the principle of the greatest happiness (the utility principle). Some elements of this program can be discovered in the Ancient ethical thought but first clear statements of the utility principle in the Western philosophy appeared only at the turn of the XVIIIth century. It became a pivotal principle of ethics in some British theological conceptions of the XVIIIth century (the so-called 'theological utilitarianism'). The founder of the classical utilitarianism, J. Bentham, joined the hedonistic moral psychology with the mechanistic 'felicitous calculus'. J.S. Mill transformed Bentham's utilitarianism diminishing the mechanistic character of utility-aggregation, introducing qualitative differences into the sphere of pleasure and stressing the importance of rights. H. Sidgwick situated the utilitarian normative program within the wider space of practical rationality. In the first two-thirds of the XXth century utilitarianism dominated normative ethics in the English-speaking philosophical tradition. But later it was subjected to harsh criticism by supporters of deontology and virtue ethics, and lost this position. There are several questions that form different theoretical strands within the contemporary utilitarianism: 1) what is the subject of the utilitarian test, 2) what is the meaning of utility, 3) what is the best formula of aggregation, 4) what is the best way of taking into account possible consequences of action?

Keywords: morality, ethics, utilitarianism, utility, aggregation, greatest happiness principle, protoutilitarianism, classical utilitarianism, contemporary utilitarianism, critique of utilitarianism

References

1. Adams, R.M. "Motive Utilitarianism", *Journal of Philosophy*, 1976, Vol. LXX, No. 14, pp. 467–481.

2. Arrow, K.J. "Some Ordinalist-Utilitarian Notes on Rawls's Theory of Justice", *Journal of Philosophy*, 1973, Vol. LXX, No. 9, pp. 245–263.
3. Arrow, K.J. *Kollektivnyi vybor i individual'nye tsennosti* [Social Choice and Individual Values]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2004. 108 pp. (In Russian)
4. Beccaria, C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow: Stels Publ., 1995. 304 pp. (In Russian)
5. Bentham J. "The Rationale of Reward", *The Works of Jeremy Bentham*, Vol. 2. Edinburgh: William Tait, 1843, pp. 189–267.
6. Bentham, J. "Anarchical Fallacies", *The Works of Jeremy Bentham*, Vol. 2. Edinburgh: William Tait, 1843, pp. 489–535.
7. Bentham, J. "Codification Proposal", *The Works of Jeremy Bentham*, Vol. 4. Edinburgh: William Tait, 1843, pp. 535–594.
8. Bentham, J. "Leading Principles of a Constitutional Code, for Any State", *The Works of Jeremy Bentham*, Vol. 2. Edinburgh: William Tait, 1843, pp. 267–275.
9. Bentham, J. "Securities against Misrule", *The Works of Jeremy Bentham*, Vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843, pp. 555–600.
10. Bentham, J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. M.: ROSSPEN Publ., 1998. 415 pp. (In Russian)
11. Berkeley, G. "Passivnoe povinovanie" [Passive Obedience], in: G. Berkeley *Alkifron, ili melkii filosof. Raboty raznykh let* [Alciphron, Or, The Minute Philosopher. Works of Different Years]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2000, pp. 255–280. (In Russian)
12. Brandt, R.B. *Fact, Values, and Morality*. New York: Cambridge University Press, 1996. 319 pp.
13. Brandt, R.B. *Morality, Utilitarianism and Rights*. New York: Cambridge University Press, 1992. 393 pp.
14. Brandt, R.B. *Theory of the Good and the Right*. Oxford: Clarendon Press, 1979. 362 pp.
15. Brink, D.O. "Mill on Justice and Rights", *A Companion to Mill*, eds. C. Macleod & D.E. Miller. Malden: Wiley, 2017, pp. 374–389.
16. Brink, D.O. *Mill's Progressive Principles*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 307 pp.
17. Broom, J. *Ethics out of Economics*. New York: Cambridge University Press, 2004. 267 pp.
18. Brown, J. "On the Motives to Virtue, and the Necessity of Religious Principle", in: J. Brown. *Essays on the 'Characteristics' of the Earl of Shaftesbury*. L.: C. Davis, 1752, pp. 109–241.
19. Cicero. "Ob obyazannostyakh" [On Duties], in: Cicero. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [On Old Age. On Friendship. On Duties]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 58–158. (In Russian)
20. Crisp, R. *Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism*. London: Routledge, 1997. 232 pp.
21. Crisp, R. *The Cosmos of Duty: Henry Sidgwick's Methods of Ethics*. Oxford: Clarendon Press, 2015. 252 pp.
22. Cumberland, R. *A Treatise of the Laws of Nature*. Indianapolis: Liberty Fund, 2005. 1010 pp.
23. De Lazari-Radek, K. & Singer, P. *The Point of View of the Universe: Sidgwick and Contemporary Ethics*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 403 pp.
24. Fuchs, A. "Mill's Theory of Morally Correct Action", *The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism*, ed. H.R. West. Oxford: Blackwell Publishing, 2006, pp. 139–158.
25. Gay, J. "Preliminary Dissertation Concerning the Fundamental Principle of Virtue or Morality", in: W. King, *An Essay on the Origin of Evil*. London: W. Thurlbourn, 1731, pp. XI–XXXII.

26. Godwin, W. *An Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness*, Vol. 2. London: G.G.J. Robins and J.R. Robins, 1793. 378 pp.
27. Halevy, E. *The Growth of Philosophic Radicalism*. London: Faber & Faber, 1952. 554 pp.
28. Hare, R.M. *Moral Thinking: Its Levels, Method, and Point*. New York: Oxford University Press, 1981. 242 pp.
29. Harsanyi, J. "Mezhlichnostnye sravneniya poleznosti" [Interpersonal Comparisons of Utility], *Ekonomicheskaya teoriya* [The World of Economics], eds. J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Moscow: INFRA – M Publ., 2004, pp. 447–454. (In Russian)
30. Harsanyi, J. "Rule Utilitarianism and Decision Theory", *Erkenntnis*, 1977, Vol. 11, pp. 25–53.
31. Harsanyi, J.C. "Expectation Effects, Individual Utilities, and Rational Desires", *Rationality, Rules, and Utility: New Essays on the Moral Philosophy of Richard B. Brandt*, ed. B. Hooker. Boulder: Westview, 1993, pp. 115–126.
32. Hart, H.L.A. *Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1983. 271 pp.
33. Helvetius. "O cheloveke" [A Treatise on Man], in: Helvetius. *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1974, pp. 5–567. (In Russian)
34. Hirose, I. *Moral Aggregation*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 248 pp.
35. Hooker, B. *Ideal Code, Real World*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 213 pp.
36. Hume, D. "Issledovanie o principah morali" [An Enquiry Concerning the Principles of Morals], in: D. Hume, *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1996, pp. 177–314. (In Russian)
37. Hutcheson, F. "Issledovanie o proiskhozhdenii nashih idej krasoty i dobra" [An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue], in: F. Hutcheson, D. Hume, A. Smith, *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973, pp. 41–262. (In Russian)
38. Jackson, F. "Decision-theoretic Consequentialism and the Nearest and Dearest Objection", *Ethics*, 1991, Vol. 101, pp. 461–482.
39. Kelly, P. "Bentham", *Political Thinkers: From Socrates to the Present*, eds. D. Baucher and P. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, pp. 344–361.
40. Martin, R. "Mill's Rule Utilitarianism in Context", *John Stuart Mill and the Art of Life*, eds. B. Eggleston, D.E. Miller and D. Weinstein. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 21–43.
41. Mill, J. *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 317 pp.
42. Mill, J.S. Bentham, in: J.S. Mill, *The Collected Works*, Vol. 10. London: Routledge and Kegan Paul, 1969, pp. 75–116.
43. Mill, J.S. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi: Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence, and Methods of Scientific Investigation]. Moscow: URSS Publ., 2011. 828 pp. (In Russian)
44. Mill, J.S. *Utilitarizm* [Utilitarianism]. Rostov-na-Donu: Donskoi izdatel'skii dom Publ., 2013. 240 pp. (In Russian)
45. Moore, G.E. *Priroda moral'noi filosofii* [The Nature of Moral Philosophy]. M.: Politizdat Publ., 1999. 352 pp. (In Russian)
46. Nakano-Okuno, M. *Sidgwick and Contemporary Utilitarianism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 270 pp.
47. Nussbaum, M.C. "Mill between Aristotle and Bentham", *Daedalus*, 2004, Vol. 133, No. 2, pp. 60–68.
48. Paley, W. *The Principles of Moral and Political Philosophy*, Vol. 2. Boston: Whitaker, 1832. 247 pp.

49. Parfit, D. "Overpopulation and the Quality of Life", *The Repugnant Conclusion: Essays on Population Ethics*, eds. J. Ryberg and T. Tännsjö. Dordrecht: Springer, 2005, pp. 7–22.
50. Postema, G.J. "Bentham's Equality-Sensitive Utilitarianism", *Utilitas*, 1998, Vol. 10, No. 2, pp. 144–158.
51. Postema, G.J. *Bentham and the Common Law Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 605 pp.
52. Priestley, J. "Ocherk ob osnovnykh printsipakh gosudarstvennogo pravleniya i o prirode politicheskoi, grazhdanskoi i religioznoi svobody" [An Essay on the First Principles of Government: And on the Nature of Political, Civil, and Religious Liberty], *Angliiskie materialisty XVIII v. Sobranie proizvedenii* [English Materialists. Works], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1968, pp. 5–46. (In Russian)
53. Rashdall, H. *The Theory of Good and Evil: A Treatise on Moral Philosophy*, Vol. 1. London: Oxford University Press, 1907. 312 pp.
54. Riley, J. "Interpreting Mill's Qualitative Hedonism", *The Philosophical Quarterly*, 2003, Vol. 53, pp. 410–418.
55. Riley, P. *Leibniz' Universal Jurisprudence: Justice as the Charity of the Wise*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 338 pp.
56. Rosen, F. *Classical Utilitarianism from Hume to Mill*. London: Routledge, 2003. 289 pp.
57. Schneewind, J.B. *Sidgwick's Ethics and Victorian Moral Philosophy*. Oxford: Clarendon Press, 1977. 465 pp.
58. Schofield, P. *Utility and Democracy: The Political Thought of Jeremy Bentham*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 370 pp.
59. Shaftesbury C. "An Inquiry Concerning Virtue and Merit", in: C. Shaftesbury, *Characteristicks of Men, Manners, Opinions, Times*. Indianapolis: Liberty Fund, 2001, pp. 1–100.
60. Sidgwick, H. "Utilitarianism", *Utilitas*, 2000, Vol. 12, No. 3, pp. 253–260.
61. Sidgwick, H. *The Methods of Ethics*. London: Palgrave Macmillan, 1962. 528 pp.
62. Singer, P. "Is Act-Utilitarianism Self-Defeating?", *The Philosophical Review*, 1972, Vol. 1, No. 1, pp. 94–104.
63. Singer, P. *Practical Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 356 pp.
64. Skelton, A. "Ideal Utilitarianism: Rashdall and Moore", *Underivative Duty: British Moral Philosophers from Sidgwick to Ewing*, ed. T. Hurka. Oxford: Clarendon Press, 2011, pp. 45–65.
65. Smart, J.J.C. "An Outline of a System of Utilitarian Ethics", in: J.J.C. Smart & B. Williams, *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973, pp. 3–76.
66. Smart, J.J.C. "Extreme and Restricted Utilitarianism", *Theories of Ethics*, ed. P. Foot. New York: Oxford University Press, 1967, pp. 171–183.
67. Tännsjö, T. *Hedonistic Utilitarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. 224 pp.
68. Tucker, A. (Search, E.) *The Light of Nature Pursued*, Vol. 1–5. L.: T. Payne, 1768.
69. Varner, G.E. *Personhood, Ethics, and Animal Cognition: Situating Animals in Hare's Two-Level Utilitarianism*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 pp.